

рина. В то же самое время мы с уверенностью можем сказать, что при написании своего произведения Д. Чолокашвили имел дело с какой-то русской обработкой расиновской «Ифигении в Авлиде», будь то либретто, театральное представление, литературный перевод и т. п. За это говорят языковой материал трагедии «Ефигения» (наличие фонетических, грамматических и лексических русизмов), ее идейно-художественная специфика, понятная только в свете русской классицистической драматургии, обстоятельные описания сцены, авторские ремарки, которые сделаны Д. Чолокашвили под явным влиянием русской театральной культуры.

Ко всему сказанному можно добавить еще одно заслуживающее внимания обстоятельство. Как мы уже писали выше, в «Ефигении» Д. Чолокашвили по сравнению с расиновским текстом произведены сокращения и изменения, в результате которых из трагедии совершенно выпали некоторые персонажи, сошла почти на нет роль Эрифилы, все второстепенные сюжетные линии оказались опущенными, действие трагедии стало развертываться стремительно и собранно, не отвлекая внимания зрителя от основного конфликта. Эти сокращения, изменения, переделки в произведении Д. Чолокашвили отнюдь не случайны, в них нашли отражение определенные теоретические взгляды автора на трагедию, удивительно напоминающие нам в отдельных случаях теоретические рассуждения А. П. Сумарокова о французской трагедии, изложенные им в сочинении «Мнение во сновидении о французских трагедиях».²⁴

При чтении трагедии Чолокашвили обращает на себя внимание и то, что в ней своеобразно смешались древнегрузинский язык и разговорный язык той эпохи. Трагедия написана тяжелым, несколько искусственным языком, с огромными периодами. Чувствуется влияние крупнейшего грузинского грамматика XVIII века католикоса Антония. Драматург стремился выдержать свое произведение явно в том стиле, который католикос Антоний именует третьим, т. е. высшим.

Лексический материал трагедии поражает обилием русизмов — как коренных русских слов, так и вошедших в состав русского языка заимствований из различных языков. Есть слова, о которых можно было бы подумать, что они вошли в трагедию «Ефигения» непосредственно из французского языка, а не через русский. Но все французские слова даны в трагедии в русской

²⁴ Полное собрание всех сочинений А. П. Сумарокова, ч. IV. М., 1787, стр. 335—355. См., например, высказывания Сумарокова, в которых он выражает свое недовольство ролью Эрифилы и тем чрезмерно большим местом, которое занимают у Расина побочные сюжетные построения.